

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16407>

EDN: <https://elibrary/OJSYMF>

ОБРАЗ АГРЕССИИ В РУССКОЙ МЕТАФОРИКЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

М.Д. Уразаев

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

✉ marat-urazaev@yandex.ru

Аннотация. Метафорическое осмысление алкогольного опьянения представляет собой значимый фрагмент русской языковой картины мира, в котором отражаются телесные, эмоциональные и культурные представления о воздействии алкоголя на человека. Цель исследования заключается в выявлении и описании метафорических моделей, в рамках которых алкогольное опьянение в русском языке концептуализируется как форма агрессии. Теоретическую основу составляет многоуровневый когнитивный подход, основанный на Расширенной теории концептуальной метафоры. Анализ проводится на трех уровнях: лексическом, основанном на материале 61 номинации из идеографического словаря алкогольного опьянения; контекстном, включающем 54 примера из Национального корпуса русского языка; и концептуальном, предполагающем реконструкцию фреймов и единой понятийной сферы. Анализ лексического уровня фиксирует базовый инвентарь метафор, выражающих образ агрессии, а анализ корпусного уровня раскрывает их динамику, включая персонификацию опьянения как активного противника. Анализ концептуального уровня демонстрирует, что опьянение систематически репрезентируется как агрессивная сила, которая типически приводит к соматическому и когнитивному ущербу и нарушает психофизический баланс. Следовательно, концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» обладает высокой когнитивной продуктивностью и отражает глубинные связи между языком, воплощенным опытом и культурными представлениями. Исследование подтверждает, что агрессивная метафорика является не случайным стилистическим приемом, а устойчивой когнитивной моделью, структурирующей понимание физиологических и социальных состояний в русском языковом сознании. Перспективы работы связаны с межъязыковым сопоставлением агрессивной метафорики опьянения и изучением ее роли в современных дискурсах зависимости, измененного сознания и социальной идентичности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, опьянение, агрессия, когнитивная модель, русская языковая картина мира.

Для цитирования: Уразаев М.Д. Образ агрессии в русской метафорике алкогольного опьянения // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 110–127. DOI: 10.18721/JHSS.16407

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16407>

IMAGE OF AGGRESSION IN THE RUSSIAN METAPHORICS OF INEBRIATION

M.D. Urazaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

 marat-urazaev@yandex.ru

Abstract. The metaphorical conceptualization of inebriation represents a salient component of the Russian linguistic worldview, reflecting bodily, emotional and cultural perceptions of alcohol's impact on the individual. The aim of this study is to identify and describe the metaphorical models through which inebriation in Russian is conceptualized as a form of aggression. The theoretical foundation relies on a multi-layered cognitive approach developed within the extended conceptual metaphor theory. The analysis is conducted on three levels: the lexical level, based on 61 nominations from an ideographic thesaurus of alcohol-related terms; the contextual level, including 54 examples from the Russian National Corpus; the conceptual level, involving the reconstruction of frames and a unified conceptual domain. The lexical analysis establishes the core inventory of metaphors that frame inebriation through the imagery of aggression, while the corpus analysis reveals their dynamics, including the personification of inebriation as an active adversary. The conceptual-level analysis demonstrates that inebriation is consistently represented as an aggressive force that typically results in somatic and cognitive damage and disrupts psychophysical equilibrium. Accordingly, the conceptual metaphor "inebriation is aggression" displays high cognitive productivity and reflects the profound interplay between language, embodied experience and cultural perceptions. The findings confirm that aggression-based metaphors are not incidental stylistic embellishments but entrenched cognitive models that structure the understanding of physiological and social states within the Russian linguistic worldview. Future research prospects are associated with cross-linguistic comparison of aggression in inebriation metaphors and with exploring their role in contemporary discourses of addiction, altered states of consciousness and social identity.

Keywords: conceptual metaphor, inebriation, aggression, cognitive model, Russian linguistic worldview.

Citation: Urazaev M.D., Image of Aggression in the Russian Metaphorics of Inebriation, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 110–127. DOI: 10.18721/JHSS.16407

Введение. Постановка проблемы

Метафора — один из фундаментальных когнитивных инструментов, с помощью которых человек осмысляет и структурирует действительность. Она представляет собой не только лингвистический, но и когнитивный инструмент, обеспечивающий фиксацию и передачу знаний в форме метафорически организованных значений [1, с. 17]. Как подчеркивал Ю.С. Степанов, «метафора занимает в языке столь же важное место, как и бинарные оппозиции, поскольку позволяет переносить опыт из одной понятийной сферы в другую, расширяя границы восприятия и выражения» [2, с. 385]. Метафоры не просто отражают, но и формируют восприятие и социальную реальность, способствуя конструированию и поддержанию определенных идентичностей, систем убеждений и иерархий власти [3]. Это явление пронизывает все сферы человеческой активности: оно проявляется не только в языке и мышлении, но и в действиях [4]. В языкознании изучение метафоры в качестве структуры мышления нашло свое отражение в виде теории концептуальной метафоры, рассматривающей метафору как форму ментального моделирования.

Концептуальная метафора определяется как «системный набор соответствий между двумя понятийными областями» [5, с. 2] и предполагает переживание одного явления через призму другого [6]. В ее структуре выделяются две области: область-цель, которая подлежит осмыслению,

и область-источник, через которую осуществляется это осмысление [7, с. 884]. Следовательно, метафорическая проекция возникает как результат формирования у языковой общности устойчивых аналогий между двумя сферами опыта, поскольку аналогическое мышление — один из базовых механизмов когнитивной деятельности [8]. Следует отметить, что восприятие метафоры не обязательно является сознательным: оно может происходить имплицитно — посредством перцептивной, моторной или аффективной симуляции [9]. Подобный подход опирается на теорию воплощенного познания, согласно которой модели восприятия формируются на основе сенсомоторного взаимодействия с окружающей средой, а не исключительно посредством абстрактного мышления. Концептуальные метафоры, таким образом, являются одним из ресурсов познания мира, опирающимся на взаимодействие языковых и когнитивных механизмов и формирующим понятийную систему языка.

Накопление опыта и формирование понятийной системы всегда происходят в определенном культурном контексте. Совокупность традиций, стереотипов поведения, ритуалов и других культурных факторов создает уникальную систему, придающую понятийной системе языка этноспецифику. Сквозь призму этой этнокультурной оптики осуществляется дальнейшее познание мира, что влияет на характер метафорического мышления [10, с. 907]. В результате образуется языковая картина мира, представляющая собой конкретную реализацию понятийной системы языка с учетом культуры, истории и менталитета.

В частности, употребление алкогольных напитков играет важную роль в русской языковой картине мира, что отражается в богатстве лексикона, связанного с состоянием опьянения. Одной из устойчивых культурных констант русского языкового сознания, по замечанию Ю.С. Степанова, является водка — в связке с хмелем, пьянством, вином, пивом и застольями [11]. К примеру, в словаре А.Ю. Кожевникова представлено около 2500 номинаций, связанных с употреблением алкоголя [12], что свидетельствует о высокой языковой и социальной значимости этого феномена.

Поскольку состояние опьянения представляет собой сложный феномен с часто противоречивыми физическими и психическими проявлениями, оно с трудом поддается описанию средствами строго денотативной лексики. Как отмечает А.В. Нагорная, «дискурсы алкогольной аддикции буквально пронизаны метафорами» [13, с. 122], что указывает на особую роль метафор в языковом оформлении концепта алкогольного опьянения. Через метафорические проекции говорящие переосмысливают опьянение, наделяя его признаками физических процессов, психических состояний или социальных взаимодействий. Следовательно, образ алкогольного опьянения не только глубоко укоренен в языке, но и наделен богатым метафорическим потенциалом, в котором отражаются телесные, эмоциональные и социальные аспекты познания.

Важно подчеркнуть, что метафорика алкогольного опьянения нередко отражает агрессивное действие спиртного на тело и психику человека: номинирует явления, процессы и свойства, непосредственно с ситуацией физического ущерба (ср. *вмазанный, датик, ударить в голову, крикнуть, сломаться*). Подобные номинации указывают на то, что опьянение осмысляется не как нейтральное физиологическое состояние, а как агрессивный акт. Это обстоятельство делает подобные выражения предметом особого интереса для лингвистического анализа и подчеркивает актуальность настоящего исследования, направленного на выявление и описание метафорических моделей, репрезентирующих опьянение как форму агрессии.

Цель исследования заключается в выявлении и описании метафорических моделей, в рамках которых алкогольное опьянение в русском языке концептуализируется как форма агрессии.

Методология (материалы и методы)

В данной работе использована комбинация лексического и корпусного анализа метафоры [14]. Лексический анализ опирается на данные, зафиксированные в лексикографических

источниках, прежде всего на лексические и фразеологические единицы. Предполагается, что метафорические переносы значений, закрепленные в лексиконе, выполняют функцию концептуальных индикаторов: они позволяют прогнозировать возможные ассоциативные поля и сценарии, актуализирующиеся в контексте. Это основано на представлении о языке как концептуальной системе, обладающей интенциональностью, то есть направленностью на сохранение собственной целостности. Данный принцип характерен для любых системных образований (язык, биосфера, физические, химические, космические системы и др.), различающихся главным образом механизмами и формами организации [15, с. 16]. Корпусный анализ выполнялся на основе предварительных результатов лексического анализа.

Материал исследования включает: 1) 61 номинацию с семантикой агрессивного акта, зафиксированную в словаре-тезаурусе алкогольного опьянения «Между первой и второй...: Словарь алкогонимов» А.Ю. Кожевникова (словарь); 2) 54 контекстных примера коллокаций лемм с семантикой алкогольного опьянения и лемм, обозначающих агрессивное воздействие, извлеченных из Национального корпуса русского языка (корпус) [16].

Структура анализа базируется на положениях Расширенной теории концептуальной метафоры (РТКМ) З. Кёвечеша, предполагающей многоуровневый подход, при котором метафора рассматривается как система когнитивных аналогий между сферами восприятия [6]. Эта теория объединяет элементы теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории фреймов (Ч. Филлмор) и теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тёрнер).

В настоящем исследовании этот подход адаптирован для анализа иерархии метафорического моделирования: когнитивные модели → фреймы → понятийные сферы. Такой переход от ситуативных структур к обобщенным концептуальным системам обеспечивает операционализацию метафоры как аналитического инструмента.

На первом уровне иерархии когнитивные модели трактуются как метафоры, основанные на соотношении области-источника и области-цели. Для их описания применяются два формата: 1) модель метафорического переноса (МП-модель) — для анализа словарных данных; 2) метафорическая модель (М-модель) — для анализа корпусных данных.

Критерием выделения МП-моделей служит устойчивая семантическая корреляция между областью-источником «опьянение» и областью-целью «агрессия» во внутренней форме номинации. Соответственно, единицами лексического анализа признаются номинации с воспроизводимым, а не единичным переносом (например: *вмазать, шибануть, долбануть*).

М-модели фиксируют метафорические проекции, реализованные в естественном речевом контексте. Они формируют ментальные пространства, включающие совокупность когнитивных моделей и систему проекций между областью-источником и областью-целью [17].

Единицей корпусного анализа признается контекст уровня клаузы или предложения, в котором реализуется проекция «опьянение — это агрессия». Минимальным контекстом считается предикативная группа с обозначенным или реконструируемым из ситуации агенсом и объектом воздействия.

Выборка метафорических выражений осуществлялась целенаправленно, по сочетанию двух семантических зон, выявленных на этапе лексического анализа. На первом шаге формировались два списка лемм: (А) «опьянение», (В) «агрессивный акт/воздействие». На втором шаге извлекались контексты, где элементы (А) и (В) встречались в пределах одной предикативной группы либо были связаны зависимостью «агенса → агрессивное воздействие → объект». Использовались следующие поисковые шаблоны: *X бьет по/в Y; X ударил(о) в Y; X сбивает/валит Y; X воюет с Y; X борется против Y; X атакует Y*, где $X \in (A)$, $Y \in (B)$.

Для верификации данных применялась процедура Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) [18], предусматривающая пятиступенчатый анализ номинаций с сопоставлением их базового и контекстуального значений. При выявлении несоответствия фиксировался

метафорический перенос. Методика предусматривает «двойную проверку найденных несоответствий по словарю и корпусу» и считается одной из наиболее эффективных процедур идентификации метафорических переносов [19, с. 263].

Из корпусной выборки исключались:

- случаи буквальной агрессии (*она ударила его бутылкой* — агенс человек, бутылка инструмент);
- описания агрессивного поведения пьяных субъектов по отношению к другим людям (*пьяная молодежь бьет прохожих*);
- соматические эффекты без агрессивной семантики (*его шатало, она не стоит на ногах*);
- оценочные эпитеты без предиката действия (*агрессивная водка* вне предикативной конструкции).

Таким образом, в корпусном анализе учитывались коллокации лемм, обозначающих состояние опьянения (*опьянение, хмель, водка, вино* и др.), с леммами, выражающими семантику насилия, агрессии и противостояния (*ударить, сражаться, побеждать, бороться* и др.), а также с леммами, обозначающими объекты агрессивного воздействия — части тела, организм или ментальные состояния (*голова, печень, организм, разум* и др.). Подобные сочетания свидетельствуют о концептуализации опьянения как агрессивного агенса, представленного в языке как источник атаки, ущерба или насилия.

На втором уровне иерархии исследовались типические фреймы, структурирующие когнитивные сценарии агрессивного воздействия. Метафора в этом случае понимается как сценарий с распределенными ролями (агенс, объект воздействия, инструмент, эффекты), что позволяет реконструировать динамику взаимодействия опьянения и субъекта. Следовательно, фрейм фиксирует не отдельную метафору, а устойчивый сценарий, объединяющий совокупность МП- и М-моделей.

На третьем уровне иерархии выделялась единая понятийная сфера, интегрирующая отдельные сценарии в более широкую концептуальную систему. Это позволило описать совокупность признаков и функций, закрепляющих проекцию «опьянение — это агрессия» в языковом сознании.

Следовательно, анализ материала осуществляется в рамках многоуровневой интерпретации значения, включающей три последовательных этапа: лексический, контекстуальный и концептуальный. На лексическом уровне рассматриваются метафорические номинации, представленные в словаре, что позволяет зафиксировать их инвентарь, структурные особенности и реконструировать базовые фреймы. Контекстуальный уровень, основанный на корпусном материале, раскрывает динамику функционирования метафорических выражений и позволяет выделить контекстные фреймы. Концептуальный уровень предполагает синтез результатов лексического и контекстуального анализа и направлен на реконструкцию единой понятийной сферы, структурирующей метафорическое пространство агрессии.

Исходя из вышеописанного, алгоритм анализа материала представлен следующим образом: 1) выявление корпуса языковых метафор алкогольного опьянения (словарь и корпус); 2) выявление основных МП-моделей на лексическом уровне и реконструкция их фреймовой структуры; 3) выделение М-моделей на основе корпусных данных и описание их фреймовой структуры; 4) выявление специфических когнитивных аспектов метафоризации опьянения в образе агрессии в рамках единой понятийной сферы.

Результаты исследования

1. Анализ лексического уровня

Лексический анализ на основе 61 номинации показывает, что опьянение предстает как сила-агрессор, наносящая удары — как локальные (по отдельным частям тела, например по голове или печени), так и тотальные (по общему состоянию здоровья).

МП-модель фиксируется в виде двучлена, где левая часть (до знака «—») означает область-источник, а правая часть (после знака «—») — это область-цель. Одна МП-модель может иметь иерархическую структуру: включать субмодели и микромодели.

Всего были выделены одна МП-модель, одна МП-подмодель и четыре МП-микромодели:

1. МП-модель [опьянение — удар] → *бабахнуть, бахать, бахнуть, бацнуть, вдарить, вда-
тый, вдолбить, вломить, вмазанный, вмазать, вметелить, впендюрить, врезать, всалатить,
всандаить, грохнуть, датик, датый, долбануть, зафигачить, зашибать, зюкнуть, камуфле-
тить, клюкнувший, клюкнутый, клюкнуть, колошматить, метелить, надираться, надравший-
ся, надраться, надубаситься, наклюкаться, наметелиться, настукаться, натюкаться, нatio-
хаться, нахерачиться, поддавать, поддавон, поддавший, поддатый, поддача, садить, треснуть,
тютюкнуть, фугасить, херачить, шибануть, шибать.*

1.2. МП-подмодель [опьянение — удар по телу] → *нанести удар по организму.*

1.2.1. МП-микромодель [опьянение — удар в голову] → *вбубенить, забубенить, набубениться,
принять на лоб, ударить в голову.*

1.2.2. МП-микромодель [опьянение — удар в грудь] → *принять на грудь.*

1.2.3. МП-микромодель [опьянение — удар по печени] → *удар по печени.*

1.2.4. МП-микромодель [опьянение — удар по почкам] → *удар по почкам.*

Анализ МП-моделей позволяет реконструировать фрейм, в котором опьянение представле-
но как форма удара. Фрейм «опьяняющий удар» в структуре метафоры «опьянение — это агрес-
сия» строится вокруг сценария агрессивного воздействия. Его ядро составляет ролевая схема:
агрессор (агенс) → удар → жертва (объект воздействия). В лексике опьянение осмысливается
как источник насильственного действия. Следует отметить, что данный агрессор (опьянение)
не всегда вербализуется явно, но имплицитно присутствует в структуре значений.

Типический сценарий фрейма «опьяняющий удар» можно представить так: субъект иници-
рует акт употребления алкоголя → опьянение концептуализируется как агрессор → реализуется
схема «нанесение удара» → удар направлен на организм в целом или на отдельные органы (голо-
ва, грудь, печень, почки).

Таким образом, анализ лексико-фразеологических единиц показывает, что в рамках данной
метафорической проекции алкогольное опьянение репрезентируется как внешняя агрессивная
сила, наносящая локальные и тотальные удары по опьяневшему. В русском языке опьянение
имплицитно осмысливается как агрессивный агенс.

2. Анализ контекстного уровня

Корпусный анализ позволяет рассмотреть концептуализацию опьянения как активной
агрессивной силы или противника, чья атака лишает равновесия, подчиняет тело и сознание
опьяневшего. Выявление подобных сценариев требует перехода от качественного описания
контекстов к формализованной модели анализа. Такую функцию выполняет М-модель, задаю-
щая структуру метафорической проекции.

В настоящем исследовании М-модель фиксируется в виде многочлена, где крайняя левая
часть (до знака «—») — это область-источник, правая часть (после знака «—») есть область-цель,
а крайняя правая часть (после знака «→») обозначает порождаемый смысл. Одна М-модель
может быть представлена несколькими порождаемыми смыслами в зависимости от контекста,
поэтому в рамках анализа выделяются общие и частные М-модели.

Всего выделено три базовые и 21 частная М-модели.

Примеры (1), (2) концептуализируют опьянение как импульсный удар, способный повлиять
на внешний облик и поведение субъекта. Таким образом, в этих случаях реализуется базовая
М-модель [опьянение — это удар → изменение состояния], при которой алкогольное воздей-
ствие представлено как кратковременное, но мощное насильственное вмешательство:

(1) ...на голодный желудок *водка ударила разом*, захмелила (В. Личутин. Любостай, 1987);

(2) Видно было, что и царю *сильно ударил хмель* (А.Н. Толстой. День Петра, 1918).

Фрагменты (3), (4) конкретизируют развитие этой модели, показывая, что «удар» ведет не просто к изменению состояния, но к дезориентации и потере контроля, выделяя частную М-модель [опьянение — удар → дезориентация]. Ср.:

(3) *Ударенный подряд двумя стаканами портвейна, почти не слыша себя в образовавшемся красном гуле*, он однако пытался писать в тетради... (В.М. Шапко. Бич, 2011);

(4) Первая же *рюмка ударила мне в голову. Я чувствовал, как взгляд мой становится скользким, а в ушах нарастает эхо* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь, 1993–2003).

Примечателен пример (5), в котором «удар» описывается как распространяющееся по телу силовое воздействие, напоминающее волну, прокатывающуюся сквозь организм. Здесь реализуется частная М-модель [опьянение — удар → циклический эффект на организм → воздействие на сердце]:

(5) Он еще выпивает, а вот и *удар хмеля сотрясает его изнутри: волна прокатывается до самых пальцев ног, отражается и мчит вверх, вот она снова здесь — у сердца* (В. Маканин. Утрата, 1984).

Фрагмент (6) расширяет смысловую динамику: «удар» хмеля несет не только физиологический, но и эмоционально-энергетический импульс, формируя М-модель [опьянение — удар → распространение по телу → эмоциональный и энергетический заряд], ср.:

(6) Нам вся эта благодать сейчас ни к чему — *хмель взыграл, как ударил! и гонит, гонит по телу силу, чувственность, даже молодость, изумительный самообман!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени, 1996–1997).

Пример (7) демонстрирует вариант, при котором «удар» не разрушает, а напротив — выполняет функцию кратковременного стимула, что выражается в частной М-модели [опьянение — удар → кратковременное оживление]:

(7) *Удар вина временно воскресил Лорха*; шатаюсь, но лишь в меру опьянения, мокрый от пота, с обшлющенной папиросой в зубах, прошел он боковым коридором во двор, сполз в бассейн... (А.С. Грин. Борьба со смертью, 1918).

В примерах (8)–(14) проиллюстрирована базовая М-модель [опьянение — удар в голову], где локализация удара по голове подчеркивает, что основным объектом алкогольной «атаки» является сознание и восприятие, ср.:

(8) В силу профессиональной необходимости я изучала вина, я полюбила вина, не *просто хмель, ударяющий в голову*, а искусство, которое дарит возможность попробовать удивительно красивое, великое вино (Л. Пузикова. Путь в Париж, 2012);

(9) *Водка была хорошая и сразу же ударила в голову* (С. Иванов. Марш авиаторов // «Звезда», 2002);

(10) Ну что ж, пожалуйста, разрешаю я — *водка тоже ударила мне в голову* (Л. Иванова. Искренне ваша грешница, 2000);

(11) И *хмель, теперь только ударивший в голову*, подвел его на этот раз (П.Ф. Нилин. Последняя кража, 1937);

(12) *Водка ударила Загирова в голову*. Он опять опустил пальцы в стакан, стряхнул на стружки и выпил (В.П. Катаев. Время, вперед! 1931–1932);

(13) Молодцов, выпив водку, почувствовал, как *она ударила ему в голову*, но те надежды, какие он возлагал на нее, не оправдались (С.Т. Семенов. Внизу, 1922);

(14) Розанов не повторил, потому что ему показалось, будто и первая *рюмка как-то уж очень сильно ударила ему в голову* (Н.С. Лесков. Некуда, 1864).

Опьянение часто ведет к потере контроля над поведением, к чему также приводят некоторые травмы головы. Данный аспект находит выражение во фрагментах (15), (16) через частную М-модель [опьянение — удар в голову → расторможенность]:

(15) Да нет — *водка в голову ударила. Расхрабрился, наговорил лишнего, и теперь вот иди куда хочешь* (П. Каменченко. История одного опьянения, 1997);

(16) *Хмель вновь ударил ему в голову*, он почувствовал себя будто *крылатым и вновь показался самому себе воином-партизаном, самым главным, отважным и решительным* (Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961).

Нарушение моторики также является одним из симптомов алкогольной интоксикации и может быть следствием удара по голове (17). Настоящая проекция проявляется в частной М-модели [опьянение — удар в голову → потеря баланса]:

(17) Надел фуражку и *покачнулся от ударившего в голову хмеля* (С.А. Есенин. Яр, 1915).

Чрезмерное опьянение, как и сильный удар, может привести к состоянию, похожему на нокаут (18), что выражено М-моделью [опьянение — сильный удар в голову → потеря сознания]:

(18) *Хмель сильно ударил в башку, и я свалился на диван, вырубился* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997).

Пример (19) добавляет к образу удара мотив внутреннего движения, реализуя М-модель [опьянение — удар в голову → цикличность]:

(19) Но, может быть, *хмель все-таки не ушел из ее тела и дрожал теперь, переливался, ударял в голову горячими волнами* (А. Берсенева. Полет над разлукой, 2003–2005).

Во фрагментах (20)–(22) проявляется частный вариант базовой М-модели [опьянение — удар в голову], где локализация смещается с внешней части головы непосредственно на центр мышления, памяти и рационального контроля — головной мозг. Подобное концептуальное смещение подчеркивает, что опьянение может восприниматься как агрессивное вторжение во внутренний центр мыслительной деятельности, а не просто как физическая агрессия.

Повреждение центра когнитивного восприятия может оказывать устойчивый эффект, который уже невозможно контролировать (20), (21). Данный эффект проявляется в частной М-модели [опьянение — удар в мозг → потеря самоконтроля]:

(20) Справедливости ради надо сказать, что директор меру свою знал и обычно старался соблюдать, удаляясь «в номера» с какой-нибудь спутницей еще до того, как *хмель непорочно ударял в мозг* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1, 2014);

(21) *И вот от этого молчания, от этого их безмолвного бунта, накатило такое зло, такая охватила обида...* Видимо, вся выпитая за вечер *водка в тепле в мозг ударила* (М.Л. Халфина. Расплата, 1978).

В примере (22) добавляется сравнение с электрическим разрядом («током ударила в мозг»), что делает образ еще более физиологически конкретным: «удар» воспринимается как незапный импульс, мгновенно сотрясающий нервную систему. Таким образом, формируется отдельная М-модель [опьянение — удар в мозг → мгновенный эффект → импульсивность и расторможенность], ср.:

(22) Крылов, которому *теплая скверная водка* после всех сегодняшних приключений *током ударила в мозг*, сильно сжал Тамарино плечо с трогательной, выпроставшейся из-под платья шелковой бретелькой (О.А. Славникова. 2017, 2017).

Опьянение может отражаться не только на центрах восприятия действительности, но и на физической устойчивости тела — иными словами, акцент может смещаться на утрату равновесия и способности нормально передвигаться. В частности, во фрагментах (23), (24) подчеркивается контраст локализации «удара»: если обычно опьянение типически воспринимается как воздействие на голову, то здесь оно поражает ноги, лишая человека возможности двигаться уверенно. Это проиллюстрировано через частную М-модель [опьянение — удар в ноги → нарушение моторики]:

(23) *Хмель его отличался тем, что бросался не в голову, а в ноги*, и потому «танцы после ужина с банановым вином отменялись»... (Н.П. Кончаловская. Волшебство и трудолюбие, 1989);

(24) *Хмель ударил в ноги*, а голова была светлая, даже светлее, чем всегда (С. Залыгин. Соленая Падь, 1967).

В примере (25) реализуется локализация удара: алкогольная атака точно направлена не на голову или ноги, а на печень — орган, который метонимически репрезентирует физиологический урон. Таким образом проявляется отдельная М-модель [опьянение — удар по печени → физиологический ущерб]:

(25) Пусть *ваш праздничный стол* будет обильным, но *не бьющим по печени!* (Проводы осени (2002) // «100% здоровья», 11.11.2002).

В метафору может быть заложена мысль о том, что опьянение может не только дезориентировать и нарушать моторику тела, но также провоцировать агрессию и вызывать эмоциональный ответ. Этот аспект формирует М-модель [опьянение — локализованный удар / атака → вариативный эффект], которая образована на стыке нескольких частных смежных М-моделей. В частности, во фрагменте (26) метафора образована суммой частных М-моделей [удар в голову → потеря самоконтроля], [удар в ноги → нарушение моторики] и [удар в руки → агрессия], ср.:

(26) На разных людей *хмель действует* по-разному: *одним ударяет в голову, другим в ноги, третьим в руки* (А. Яшин. Вологодская свадьба, 1962).

Во фрагменте (27) заложена схожая метафорическая конструкция, которая реализуется М-моделями [атака на голову → потеря самоконтроля], [атака на ноги → нарушение моторики], [атака на руки → агрессия] и [атака на сердце → эмоциональный ответ], ср.:

(27) *Хмель*, он ведь кому куда кидается: кому — в голос, кому — в кулак, кому — в сердце, кому — *в голову*, а Егору — *в ноги* (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973).

Таким образом, фрейм «опьяняющий удар» задает сценарий, в котором опьянение выступает как агрессивный агент, наносящий атаку по телу и сознанию субъекта. Если на лексическом уровне можно распознать лишь базовую структуру фрейма, то на уровне клаузы/предложения эта структура разворачивается в динамический сценарий. В контексте «удар» определяет специфику последствий, а исход сценария варьируется от легкой эйфории до полной утраты контроля. В табл. 1 уточняются роли, содержание, функции и сценарии.

Таблица 1. Структура фрейма «опьяняющий удар»
Table 1. The structure of the “inebriating strike” frame

Роль	Содержание	Функции
Агент	Опьянение (алкоголь, хмель, вино, водка)	Активный инициатор агрессии, внешняя сила, запускающая процесс
Объект воздействия	Человек (тело, части тела, сознание)	Испытывает последствия удара: дезориентация, потеря контроля, эмоциональные сдвиги
Инструмент	Удар (как импульс, толчок, волна, ток)	Метафорический механизм передачи силы от агента к объекту воздействия
Локализация	Голова, мозг, ноги, сердце, печень	Определяет тип эффекта: когнитивный (голова/мозг), моторный (ноги), эмоциональный (сердце), физиологический (печень)
Эффект	Изменение состояния: дезориентация, потеря баланса, расторможенность, эйфория, временное оживление	Определяет сценарную динамику: от кратковременного подъема до поражения / утраты сознания
Сценарий	Начальный импульс → распространение по телу → дезорганизация функций / потеря контроля → возможное восстановление или нокаут	Разворачивает фрейм как процесс, а не статический образ

Во фрагментах (28)–(33) представлена М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног], где опьянение метафорически действует как удар или толчок, лишаящий человека опоры и вертикали. В данном случае метафорическая проекция смещается с когнитивного воздействия

на чисто физическую плоскость: действие осмысляется как мощная сила, способная буквально «свалить», «сразить» или «опрокинуть» тело. В частности, в ряде фрагментов прослеживается частная М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног → нарушение моторики], ср.:

(28) Остаточный *хмель действовал, но не сбивал*: приезжий брел, пересекая лысину ковыля... (В. Маканин. Утрата, 1984);

(29) Дева всплескивает руками, дева обильно плачет, *пробует встать, но хмель опрокидывает ее* (В.Я. Шишков. Угрюм-река, 1913–1932).

Примечательны примеры (28)–(31), где метафора подразумевает не только физическую потерю устойчивости, но и прекращение работы сознания. Таким образом реализуется частная М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног → потеря сознания], ср.:

(30) Послышалось похрапывание, *хмель свалил девушку*. (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004);

(31) Все три девицы наелись, напились. *Хмель сразил их, будто пуля разбойничья*. (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона // Девочки из колодца, 2004);

(32) Гости расходятся. *Едекона свалил хмель — остается на скамье...* (Е.И. Замятин. Атилла, 1928);

(33) Александр Данилович был трезвее других, зато *непривычный хмель свалил с ног Кенигсека* (А.И. Красницкий. На закате любви, 1910).

В группе примеров (28)–(33) мотив атаки достигает предельно наглядной физической формы: опьянение осмысляется как агрессивная сила, воздействующая на тело подобно нокаутирующему удару, который способен лишить не только опоры, но и сознания. Если во фрейме «удар» объектом воздействия прежде всего является голова и сознание, то во фрейме «атака, сбивающая с ног» акцент смещается на соматический аспект — физическую устойчивость и опору тела. В табл. 2 конкретизируются роли, содержание, функции и сценарии.

Таблица 2. Структура фрейма «алкогольная атака, сбивающая с ног»
Table 2. The structure of the “inebriating stunning attack” frame

Роль	Содержание	Функции
Агнс	Опьянение (хмель)	Активная сила, атакующая субъекта и лишаящая его устойчивости
Объект воздействия	Человек (тело)	Теряет опору, вертикальное положение, контроль над телом и сознанием
Инструмент	Атака (толчок, сбивание, опрокидывание)	Действие осмысляется как внешнее насильственное воздействие
Локализация	Ноги, тело в целом	Потеря равновесия, падение, «сваливание» субъекта
Эффект	— Нарушение моторики — Потеря сознания	Вариативность сценариев: от неустойчивости до полного отключения
Сценарий	Начало действия (опьянение «сбивает с ног») → падение или утрата равновесия → прекращение активности (сон, потеря сознания)	Структурирует восприятие опьянения как атаки, приводящей к поражению субъекта

Опьянение может метафорически проецироваться как активная сила, с которой человек вступает в борьбу, стремясь ее «одолеть». Такая интерпретация смыкается с фреймами «опьяняющий удар» и «алкогольная атака, сбивающая с ног», однако акцент здесь смещается с одностороннего воздействия на двустороннюю динамику противодействия. В частности, во фрагменте (34) опьянение концептуализируется как враг, с которым можно вступить в конфронтацию или которого можно опасаться, но которому в данном случае противостоит ясный разум героини.

Следует отметить, что трезвый рассудок выпившего персонифицируется в виде мифологического образа — Кашея Бессмертного, который в русской народной традиции символизирует неуязвимость и вечную стойкость. Такой образ подчеркивает силу сопротивляемости опьянению: трезвый разум представлен как вечный страж, не поддающийся действию хмеля. В результате формируется М-модель [опьянение — потенциальный противник → победа выпившего → ясность сознания], ср.:

(34) Она рабыня, пленница у *голоого, бессмертного Кашея, у трезвого рассудка, который уже никакого хмеля не боится* (Г.Д. Гребенщиков. Поклон родной земле, 1936).

Во фрагменте (35) опьянение также метафоризируется как потенциальный враг, однако возможный проигрыш в этом «сражении» обретает положительную коннотацию — это не угроза, а шанс отдалиться веселью и временно избавиться от бремени мыслей. Следовательно, вектор смысловой динамики смещается от «борьбы за трезвость» к «готовности позволить опьянению одолеть себя ради развлечения». Данный аспект находит выражение через частную М-модель [опьянение — потенциальный противник → победа опьянения → потенциальное развлечение], ср.:

(35) А Мещеряков сам к себе так же присматривался — то ли он загуляет окончательно, то ли нет, — *не сможет нынче хмель его одолеть?* То ли будет и дальше думать, разгадывать, то ли *предастся веселью?* (С. Залыгин. Соленая Падь, 1967).

Во примере (36) опьянение концептуализируется как активный противник, который вступает в борьбу с разумом человека. Это подчеркивает, что борьба еще не завершена: остатки алкоголя продолжают оказывать влияние, порождая внутреннее противоборство между разумом и опьянением. Такая проекция отражает частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба не завершена], ср.:

(36) В душе Байконура *благоразумие боролось с тоской и остатками хмеля*. (А. Иванов. Земля — Сортировочная, 1990–1991).

Внутренняя борьба с последствиями употребления алкоголя может проявляться через ряд внешних признаков. В частности, в примерах (37), (38) бледность кожи служит зримым маркером тяжелого противостояния опьянению. Этот физиологический признак сигнализирует о том, что алкоголь продолжает действовать, а победа над ним еще не достигнута. Данный сценарий представлен в частной М-модели [опьянение — активный противник → борьба не завершена → бледность кожи], ср.:

(37) — Я хочу поднять этот тост, — сказал он, вставая со своего места, *бледный, упрямо не поддающийся хмелю* на исходе ночи... (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989);

(38) Капитан Агильберт нынче *бледен*, глотает красное вино бокал за бокалом, *но хмель его не берет* (Е. Хаецкая. Мракобес: Свора пропащих, 1997).

Во фрагменте (39) внешним индикатором сопротивляемости алкогольной интоксикации выступает интенсивная фокусировка глаз, которая имплицитно противопоставляется затуманенности взгляда, одному из частых признаков опьянения. Это представлено в М-модели [опьянение — активный противник → победа выпившего → проницательный взгляд], ср.:

(39) Башмачкин хмель *вдруг превозмог*,

Сосредоточил *цепкий взгляд*

И всех пронзил он им подряд! (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975–1998).

Иногда «победа» над опьянением, вопреки обыденной логике, вовсе не является целью человека, поскольку его изначальное стремление — войти в состояние опьянения. Однако организм может сопротивляться алкоголю независимо от воли, что приводит к ощущению разочарования. На данный аспект указывает частная М-модель [опьянение — активный противник → попытка атаки → человек не поддается → разочарование]:

(40) ...хоть и было выпито довольно, но *хмель нынче не брал, не доходил до души так, чтобы позвать на песню* (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы, 1977);

(41) Василий хватил крепкой старки, *но хмель не брал...* (А.Н. Толстой. Петр Первый. Книга вторая, 1933);

(42) Да и направляясь в Большие Терема к жене, для храбрости, чтобы язык развязался, Петр тоже выпил, но теперь и *хмель не брал его*: как-никак, а в этом деле он не чувствовал себя правым, и слова туго шли с заплетавшегося языка (А.И. Красницкий. Трон и любовь, 1910).

Опьянение может «победить» человеческий рассудок (43), что может привести человека к абстрактно-философским рассуждениям. Подобный эффект алкоголя показан в частной М-модели [опьянение — активный противник → победа алкоголя → квазимыслие], ср.:

(43) ...пока *мысль, не осиленная хмелем*, не подсказывает ему, *что и тут ему не удалось избежать некоего повторения, что все это обыденность и заигрывание с вечностью* (В. Маканин. Утрата, 1984).

Во фрагменте (44) опьянение выступает в качестве активного противника, с которым ведется внутренняя борьба. Эта борьба завершается победой алкоголя, что приводит к спутанности сознания, которое является типичным признаком алкогольной интоксикации. Это выражается через частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба не завершена → побеждает алкоголь → спутанность сознания], ср.:

(44) *Хмель одолевал Захара, он забыл, о чем говорил, и замолчал* (Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1, 1936–1948).

Проигрыш в «схватке» с опьянением (45), (46) может также проявляться через такой признак, как потеря вертикального положения, что уподобляется метафорическому удару, сбивающему человека с ног. В данном случае активизируется частная М-модель [опьянение — активный противник → победа алкоголя → потеря баланса], ср.:

(45) Тут *хмель сборол Мартынка*. Он поговорил, песенку еще спел да и *растянулся на полу* (Б.В. Шергин. Мартынка, 1960);

(46) ...*не сладив с хмелем, тяжело упал задом на пятки* (И.А. Бунин. Крик, 1911).

Порой метафорическая победа завершается так же, как и настоящая — проигравший в «драке» теряет сознание, что воплощается через частную М-модель [опьянение — активный противник → победа алкоголя → потеря сознания]:

(47) Чтобы не умереть от Брамса, трио заготовило две поллитры. *Но Брамс победил водку. Фридман упал, сломал пюпитр. Идти он не мог. Более стойкие виолончель и кларнет оказались не в силах ни разбудить его, ни вынести вон. Тело поставили в шкаф с нотами* (С. Сэ. Ева, 2010);

(48) Я прямо-таки *в какую-то прострацию впал. Видно, хмель взял свое... Глаза раскрыл, а ее уж нет* (В.Ф. Кормер. Крот истории, или Революция в республике S=F, 1979);

(49) ...где Хвостиков...покоился *крепким сном, побежденный более водкою, нежели кровопролитным боем* (В.Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, 1814).

Активная борьба с опьянением зачастую приводит к сбивчивому дыханию у наименее выносливого «бойца», что, в свою очередь, сопровождается нарушением речи. Подобное состояние представляет собой характерный индикатор алкогольного опьянения, что выражает М-модель [опьянение — активный противник → борьба неудачна → нарушение речи]:

(50) *Из всех сил борясь с опьянением, Матвей изрекает непонятное...* (Л. Левинзон. В Тель-Авиве, 2005);

(51) Матушка, — *сурово борясь с хмелем, надрывно выкрикнул он*, — сам Родамус Кверк говорит, что лучше смерть, чем такая жизнь... (А.С. Бухов. Уважение, 1917).

В примере (52) результат подобной «борьбы» заключается в том, что человек теряет самоконтроль, совершая хаотичные или социально неадекватные действия. Подобное поведение

иллюстрирует частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба неудачна → нарушение контроля действий], ср.:

(52) ...чувствуя, что *хмель одолевает его, стал сгребать с тарелки куски ветчины и пихать в карманы порток* (И.А. Бунин. Деревня, 1909–1910).

Одним из частных вариантов такого сражения, приобретшего затяжной и разрушительный характер, является метафора войны. Согласно исследованию Р.А. Кафтанова, с образом войны в русском языке тесно связаны ассоциации смерти, страдания, горя и разрушения [21, с. 153]. Алкоголизм в этом контексте осмысливается как затяжная форма опьянения, обладающая признаками болезни и антисоциального поведения, что порождает сходный ассоциативный ряд. Подобным образом во фрагменте (53) поражение в таком затянувшемся «сражении» приводит не только к потере самоконтроля, но и к гибели субъекта. Здесь реализуется более сложная М-модель [опьянение — активный противник → затяжное сражение → победа алкоголя → потеря самоконтроля → смерть], ср.:

(53) Акундин зарезал в куски жену свою кроильным ножом, исполосовал самого себя и *в страшных муках умер, побежденный водкой* (К.С. Петров-Водкин. Моя повесть, 1930).

Наконец, в примере (54) алкогольный «враг» мыслится не просто как угроза индивиду, но как агрессивная сила, способная уничтожить целую государственную систему. Здесь алкоголь представляется мощным противником, победившим в затяжной войне — итогом становится крах Советского Союза, а его население оказывается в состоянии перманентной зависимости, символической «оккупации» аддиктивным опьянением. Эта конфигурация реализует частную М-модель [опьянение — активный противник → затяжная война → победа алкоголя → потеря самоконтроля → деградация → зависимость], ср.:

(54) *...всех победила водка, и Советский Союз рухнул, а население, оставшееся в живых, героически продолжает пить* (Ф. Искандер. День писателя // «Новый Мир», 1999).

Анализ примеров (34)–(54) показывает, что в фокусе М-модели [опьянение — это противник] находится фрейм «пьянящий противник», выражающий сценарий борьбы, исход которой может варьироваться: от сопротивления и временной победы человека до полного подчинения воздействию алкогольного опьянения. Для наглядности динамика фрейма в табл. 3 представлена в виде типического сценария, структурирующего последовательность ролей и их функций. В отличие от фреймов «опьяняющий удар» и «алкогольная атака, сбивающая с ног» данный фрейм предполагает длительную борьбу с вариативными исходами. Поэтому в его структуре выделены сценарные линии, отражающие разные траектории развития конфликта (сопротивление, промежуточная борьба, поражение, война). В более статичных сценариях такая динамика не актуализируется.

Таким образом, на уровне контекста единичное агрессивное действие может перерасти в длительную агрессивную конфронтацию, в рамках которой опьянение метафорически действует как противник, с которым субъект ведет борьбу. Эта борьба описывается как процесс с неопределенным исходом: возможна победа (сохранение устойчивости, ясности сознания), но чаще — поражение, проявляющееся в нарушении моторики, речи и когнитивной целостности.

Анализ концептуального уровня

Анализ словарного и корпусного материалов демонстрирует, что метафорические модели агрессии формируют иерархически организованный метафорический ландшафт, в котором опьянение функционирует как активный и зачастую враждебный агент. Локализация агрессии на теле (прежде всего — голова, мозг, ноги) иллюстрирует различие в соматической и ментальной симптоматике: от кратковременной эйфории и двигательной расторможенности до утраты контроля и сознания. Переход от отдельных лексических номинаций и корпусных примеров к их интерпретации на уровне фреймов позволяет выявить когнитивные сценарии агрессивного

Таблица 3. Структура фрейма «пьянящий противник»
Table 3. The structure of the “inebriating adversary” frame

Роль	Содержание	Функции
Агенса	Опьянение (хмель, алкоголь, водка)	Персонифицированный агрессор, вступающий в борьбу с человеком
Объект воздействия	Человек (разум, тело, воля, социальное «я»)	Ведет борьбу, сопротивляется или терпит поражение
Инструмент	Борьба, схватка, противостояние, война	Средство концептуализации затяжного конфликта
Сценарные линии	Сопротивление, промежуточная борьба, поражение, затяжная война	Моделируют разные исходы конфликта
Эффекты	Ясность сознания и победа; развлечение; незавершенная борьба; разочарование; спутанность сознания; потеря баланса и сознания; нарушение речи и действий; поражение (смерть, деградация, зависимость)	Отражают вариативность исходов
Сценарий	Вступление в борьбу → сопротивление или капитуляция → промежуточные признаки (бледность, сбивчивость речи, хаотичность действий) → финал: победа или поражение → социальные и экзистенциальные последствия	Структурирует восприятие опьянения как длительное противостояние

воздействия, фиксирующие динамику опьянения как процесса. Как и всякий релевантный фрагмент действительности, фреймы «формируются на основе принятых в социуме представлений об этом фрагменте» [22, с. 127]. Исходя из этого, можно заключить, что проанализированные фреймы «опьяняющий удар», «алкогольная атака, сбивающая с ног» и «пьянящий противник» структурируют понятийную сферу «опьяняющая агрессия», интегрирующую различные аспекты воплощенного опыта.

Структурные признаки данной понятийной сферы: 1) *семантическая доминанта* передает идею насильственного воздействия, приводящего к соматическому и когнитивному ущербу; 2) *прототипическая ситуация* показывает восприятие опьянения в качестве агрессивного агенса, атакующего объект воздействия, в результате чего объект теряет контроль над телом, поведением и сознанием; 3) *типические признаки* — потеря самоконтроля, борьба за его сохранение, психофизиологические изменения; 4) *воплощенный опыт*, через который опьянение соотносится с реальным агрессивным воздействием (ударом, сражением, атакой), делает метафору особенно наглядной и физиологически убедительной.

Функции понятийной сферы: 1) *интерпретативная* — объясняет физиологические и психические эффекты опьянения через опыт агрессии; 2) *интенсифицирующая* — усиливает образ разрушительного воздействия алкоголя, подчеркивая его опасность; 3) *оценочная* — часто маркирует опьянение как негативное и враждебное состояние, сближая его с образом угрозы.

Описание понятийной сферы «опьяняющая агрессия» позволяет заключить, что агрессивная метафорика опьянения представляет собой не разрозненные переносы, а устойчивую когнитивную модель. Она опирается на воплощенный опыт алкогольного опьянения и закреплена в русской языковой картине мира.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают продуктивность метафорической проекции, в рамках которой алкогольное опьянение концептуализируется как образ агрессии — удара, нападения или борьбы. Концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» формирует разветвленное когнитивное пространство, включающее как отдельные сценарии, так и целостную модель интерпретации опьянения как деструктивной силы.

Лексический анализ выявил устойчивый пласт номинаций, в которых агрессивный характер опьянения фиксируется посредством семантического переноса. Номинации типа *вмазать*, *шибануть*, *долбануть*, *удар по печени*, *ударить в голову* репрезентируют метафорическую проекцию опьянения как одномоментного акта физического воздействия (удара), закрепленного в языковой системе через устойчивые выражения. Внутренняя форма этих номинаций достаточно явно отражает мотивирующие признаки, что позволяет реконструировать общие и частные модели переноса значения, в частности: [опьянение — удар] и [опьянение — удар по частям тела]. Лексический уровень анализа, таким образом, фиксирует номинативный аспект концептуализации опьянения как насильственного воздействия.

Анализ контекстуального уровня позволил выйти за пределы лексической системы и выявить сценарную динамику метафоры, то есть проследить специфику ее реализации в контексте. Полученные данные показали, что образ агрессии концептуализируется в разных по времени и интенсивности формах: от краткого, концентрированного импульса (удар в голову, мозг, руки, ноги) до длительного, разрушительного процесса (борьба, поражение, утрата контроля, смерть).

Существенным результатом стало выявление персонификации опьянения как врага, что отражает культурное осмысление алкогольного воздействия как угрозы и формы борьбы. Корпусные данные также наглядно показали жанровую и прагматическую гибкость метафоры: в зависимости от интенции говорящего, контекста и жанра образ агрессии может окрашиваться либо негативно (девиантное поведение, потеря сознания, зависимость), либо положительно (эйфория, подъем, стимул, веселье). Такая семантическая амбивалентность свидетельствует о концептуальной пластичности модели и ее высокой когнитивной продуктивности.

Важно подчеркнуть, что именно концептуальный уровень анализа обеспечил целостное осмысление полученных данных. Если лексический уровень фиксировал номинативные индикаторы образа агрессии, а контекстный уровень раскрывал динамику сценариев, то концептуальный анализ позволил интегрировать эти компоненты в понятийную сферу «опьяняющая агрессия». В ее структуре опьянение систематически репрезентируется как агрессивный агент, наносящий удары, сбивающий с ног или выступающий в роли противника. Подобная интерпретация показывает, что агрессивная метафорика опьянения является не стилистическим приемом, а глубоко укорененной когнитивной моделью, отражающей воплощенный опыт и культурные аспекты русской языковой картины мира.

Заключение

Проведенное исследование опирается на теоретико-методологический фундамент когнитивной лингвистики, прежде всего на РТКМ, которая позволяет рассматривать метафору как системный инструмент организации знаний. В ее рамках подтверждается ключевой тезис о том, что алкогольное опьянение в русском языке систематически концептуализируется как агрессия.

Предложенная методика, сочетающая лексический и корпусный анализ с использованием процедуры MIPVU и дополняемая концептуальным анализом, позволила выявить устойчивые метафорические модели, реконструировать фреймовые сценарии агрессивного воздействия и описать понятийную сферу «опьяняющей агрессии» как целостную когнитивную модель. Анализ лексического уровня зафиксировал инвентарь номинаций, репрезентирующих «удар», тогда как анализ контекстуального уровня показал расширенную динамику функционирования подобных моделей в контексте: от кратковременного «удара» до затяжной «борьбы» и «поражения». Анализ концептуального уровня продемонстрировал интеграцию данных лексического и корпусного уровней в устойчивую когнитивную модель «опьяняющей агрессии», закрепленную в русской языковой картине мира. Иными словами, данная методика показала, что образ

агрессии в метафорическом пространстве алкогольного опьянения не сводится к стилистическому приему, а представляет собой укорененную когнитивную схему, структурирующую восприятие алкогольного опьянения.

Итоги исследования показывают, что концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» обладает значительной когнитивной продуктивностью и культурной значимостью. Она объединяет воплощенный опыт, социокультурные факторы и языковые аспекты, формируя специфический пласт русской языковой картины мира.

Полученные результаты могут быть использованы в ряде направлений. Во-первых, они представляют ценность для лексикографических исследований, фиксирующих метафорические номинации опьянения. Во-вторых, выявленные модели применимы в преподавании когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, поскольку наглядно демонстрируют взаимосвязь языка, восприятия и культуры. В-третьих, данная работа может быть полезна для анализа дискурсов аддикции и разработки профилактических коммуникационных стратегий: концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» позволяет объяснить механизмы восприятия опьянения как деструктивного фактора и способствует формированию критического отношения к культуре потребления алкоголя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабенко Л.Г., Романова М.А.** Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28
2. **Степанов Ю.С.** Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
3. **Зибин А., Солопова О.А.** Метафора в языке, культуре и дискурсе: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 1. С. 7–32. DOI: 10.22363/2687-0088-37837
4. **Beknazarova U.U., Almutova A.B., Yelemessova S.M., Abadildayeva S.K.** The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations // Journal of Language and Linguistic Studies. 2021. Vol. 17, Iss. 3. P. 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94
5. **Kövecses Z.** Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127
6. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
7. **Оленева П.** Когнитивный аспект английских денежных пословиц // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 5. С. 882–891.
8. **Pritchard T.** Analogical Cognition: an Insight into Word Meaning // Review of Philosophy and Psychology. 2019. Vol. 10. С. 587–607. DOI: 10.1007/s13164-018-0419-y
9. **Johansson Falck M., Okonski L.** Procedure for Identifying Metaphorical Scenes (PIMS): The Case of Spatial and Abstract Relations // Metaphor and Symbol. 2023. Vol. 38, Iss. 1. С. 1–22. DOI: 10.1080/10926488.2022.2062243
10. **Козлова Л.А.** Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925
11. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. **Кожевников А.Ю.** Между первой и второй...: Словарь алкогонимов. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2007. 311 с.
13. **Нагорная А.В.** Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 120–147. DOI: 10.17223/19986645/75/6

14. Кевечеш З., Бенцеш Р., Роммель А., Селид В. Универсальность и вариативность в концептуализации эмоции гнев: проблемы методологии // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28, № 1. С. 55–79. DOI: 10.22363/2687-0088-34834
15. Тульчинский Г.Л. Лента Мёбиуса прагматосемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто — и обратно // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2023. Т. 14, № 4. С. 8–30. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-4-1
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.05.2025).
17. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, Iss. 2. P. 133–187. DOI: 10.1207/s15516709cog2202_1
18. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 238 p. DOI: 10.1075/celcr.14
19. Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
20. Манерко Л.А., Суханова А.С. Функционирование фрейма environment в специальных концептуальных областях знания в английском языке // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2024. Т. 15, № 3. С. 22–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-2
21. Кафтанов Р.А. Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17, № 1. С. 149–160. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160
22. Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 4. С. 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

REFERENCES

- [1] Babenko L.G., Romanova M.A., The feeling of love in the metaphorical space of the Russian language: basic projections and models, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (2024) 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28
- [2] Stepanov Yu.S., *Yazyk i metod: K sovremennoy filosofii yazyka [Language and Method: Toward a Contemporary Philosophy of Language]*, Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1998.
- [3] Zibin A., Solopova O.A., Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (1) (2024) 7–32. DOI: 10.22363/2687-0088-37837
- [4] Beknazarova U.U., Almutova A.B., Yelemessova S.M., Abadildayeva S.K., The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (3) (2021) 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94
- [5] Kövecses Z., *Extended Conceptual Metaphor Theory*, Cambridge University Press, Cambridge, 2020. DOI: 10.1017/9781108859127
- [6] Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, University of Chicago Press, Chicago, 1980.
- [7] Oleneva P., Cognitive perspective of English money proverbs, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 17 (5) (2024) 882–891.
- [8] Pritchard T., Analogical cognition: an insight into word meaning, *Review of Philosophy and Psychology*, 10 (2019) 587–607. DOI: 10.1007/s13164-018-0419-y
- [9] Johansson Falck M., Okonski L., Procedure for Identifying Metaphorical Scenes (PIMS): The case of spatial and abstract relations, *Metaphor and Symbol*, 38 (1) (2023) 1–22. DOI: 10.1080/10926488.2022.2062243
- [10] Kozlova L.A., Metaphor as the refraction of culture determined cognition, *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4) (2020) 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925
- [11] Stepanov Yu.S., *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: A Dictionary of Russian Culture]*, 3rd ed., revised and expanded, Akademicheskiy Proekt, Moscow, 2004.

- [12] **Kozhevnikov A.Yu.**, Mezhdru pervoy i vtoroy...: Slovar' alkogonimov [Between the First and the Second...: Dictionary of Alcohol-related Expressions], OLMA Mediagrupp, Moscow, 2007.
- [13] **Nagornaya A.V.**, Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture, *Tomsk State University Journal of Philology*, 75 (2022) 120–147. DOI: 10.17223/19986645/75/6
- [14] **Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V.**, Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (1) (2024) 55–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34834>
- [15] **Tulchinskiy G.L.**, The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back, *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4) (2023) 8–30. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-4-1
- [16] National Corpus of the Russian Language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 27.05.2025).
- [17] **Fauconnier G., Turner M.**, Conceptual integration networks, *Cognitive Science*, 22 (2) (1998) 133–187. DOI: 10.1207/s15516709cog2202_1
- [18] **Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T.**, A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU, John Benjamins, Amsterdam, 2010. DOI: 10.1075/celcr.14.
- [19] **Sun Y., Kalinin O.I., Ignatenko A.V.**, The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in the political public speeches, *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1) (2021) 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
- [20] **Manerko L.A., Sukhanova A.S.**, Functioning of the frame environment in various conceptual knowledge domains in the English language, *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (3) (2024) 22–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-2
- [21] **Kaftanov R.A.**, Dynamics of the Image of War in the Russian Language Consciousness (Psycholinguistic Aspect), *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 17 (1) (2019) 149–160. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160
- [22] **Suleimanova O.A., Sokolova A.V.**, Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Уразаев Марат Дамирович

Marat D. Urazaev

E-mail: marat-urazaev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>

Поступила: 25.07.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 05.11.2025.

Submitted: 25.07.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 05.11.2025.